

А. Н. ЕЛСУКОВ,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и формировании белорусской народности)

На основе исторических фактов анализируется роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян, его влияние на процесс формирования белорусской народности как новой этнической общности и создания основ белорусской государственности.

The historical facts serve the grounds for analyzing the role of Polotsk principedom in Eastern Slavs political life, its influence on the process of both the formation of the Belarusian nationality as a new ethnic community and building of Belarusian statehood foundations.

При большом количестве наук, изучающих общество, особое значение принадлежит истории и социологии. Имея ряд общих черт в предметной области, эти науки существенно различаются подходами к изучению общественных явлений. Если историки на базе глубокого знания прошлого стремятся постичь суть современных общественных явлений и процессов, то социологи движутся в обратном направлении, стремясь с позиции современных взглядов на общество переосмыслить некоторые устоявшиеся представления о прошлом. Так как современность весьма динамична в своем развитии, то и оценки прошлого приходится часто пересматривать.

Такое переосмысление исторического материала в большинстве случаев происходит в периоды радикальных общественных трансформаций. А современная общественная жизнь как раз и представляет пример такой трансформации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многое из того, что накоплено исторической наукой прошлого, в настоящее время подвергается критической переоценке. Особое значение в этом плане имеет переосмысление уже сложившихся в науке терминов и понятий.

Долгое время история Российской империи, а затем и Советского Союза воспринималась как общая история единого государства. Поэтому исторические описания Киевского княжества, кавказских и среднеазиатских республик воспринимались как части единой истории России. Достаточно в этом плане познакомиться, например, с такой книгой, как «Древнейшие государства на территории СССР» (М., 1981).

Однако после распада Советского Союза и образования ряда независимых, суверенных государств возникла необходимость делить не только территории, но и историческое прошлое, подвергая его соответствующей интерпретации. Не составляет исключения в этом плане и история Беларуси, особенно та ее часть, которая связана с историей Полоцкого княжества – территориального и политического центра, вокруг которого начинает складываться славянско-белорусская народность как новая этническая общность людей, возникшая в результате сложного культурного взаимодействия множества различных племен, проживавших на этой территории до славянского переселения, во время его и в последующие времена.

В процессе переосмысления истории Беларуси сложились две радикально противоположные теоретические тенденции. Одна из этих тенденций (теоретически связанная с прошлой историографией) нацелена на изучение истории Беларуси как части общеславянской и общероссийской историографии. В этом случае предысто-

рия Беларуси несколько затеняется политическими событиями соседних земель, уступая пальму первенства в историческом развитии своим соседям (Новгородскому, Киевскому, Литовскому, Польскому, а затем и Московскому княжествам).

Вторая тенденция имеет противоположный характер и нацелена на выделение особой роли Полоцкого княжества, его полной автономности и уникальности. Это княжество рассматривается чуть ли не как центр всей восточнославянской культуры (или культуры более высокой, чем у соседних славян). Отыскиваются какие-то отличительные корни русского и белорусского языков, говорят о существовании некоего древнебелорусского языка (даже тогда, когда не было еще самих белорусов). Дело доходит до того, что отыскиваются какие-то генетические различия между русскими, белорусами и украинцами. На этой основе предпринимаются попытки (рядом белорусских и украинских специалистов) критического переосмысления трудов российских историков дореволюционного периода (Татищева, Карамзина, Ключевского, Соловьева), которые в настоящее время активно переиздаются и пропагандируются. Особенность трудов историков великодержавного периода состояла в том, что они отрицали роль монгольского влияния на процесс становления российской государственности, всячески стремились доказать факт преемственности развития Киевской и Московской Руси. На самом же деле характер этой преемственности нуждается в существенной корректировке.

Подобные теоретические подходы, имея явно выраженную идеологическую окраску, вряд ли могут оцениваться как научные. Великодержавная историография в одном случае замещается историографией местнического (националистического) характера – в другом. Дело доходит до того, что авторы местных историографий заботятся не столько о восстановлении чести своей национальной истории, сколько стараются бросить тень на все историческое прошлое России, развенчивая кумиров прошлого (например, Александра Невского, Кутузова, Суворова и т. д.). Высказывается даже сожаление по поводу того, что французам не удалось завоевать Россию (см., например, книгу А. Тараса «1812 год – трагедия Беларуси»). Такие, с позволения сказать, исторические сочинения направлены не столько на выяснение исторической правды, сколько сеют рознь между славянскими народами и вполне могут быть приравнены к пропаганде национальной розни и вражды.

Однако наличие таких противоположностей заставляет вновь обратиться к истокам славянской культуры, выявляя как ее общие признаки, так и отличительные особенности, дальнейшее развитие которых и привело к формированию трех братских народов, трех славянских языков, трех наций и, наконец, трех самостоятельных, независимых государств, о чем и свидетельствует современность. Именно от этой современности и следует отталкиваться, уходя в глубь истории.

Историческую связь славянских культур отрицать невозможно, но нельзя не видеть и особенностей их развития. Как в равной мере нельзя не видеть и особенностей развития трех самостоятельных княжеств (Новгородского, Киевского и Полоцкого), которые чаще всего представляются как части единого политического (государственного) объединения под названиями Киевская Русь, Киевская держава, Древнерусское государство. Как бы это ни показалось странным, но приходится признать, что никогда не существовало древнерусского государства как единого политического образования (как в равной степени не существовало и единого Древнегреческого государства, а были лишь отдельные, самостоятельные города-полисы, пока они не оказались завоеванными персами, а затем македонцами и римлянами, что, однако, не мешает говорить о единой древнегреческой культуре и древнегреческой истории).

Единственным объединяющим моментом перечисленных княжеств было то, что они (вплоть до распада) управлялись варягами, которые и принесли с собой такое название, как Русь. Постепенно это название приобрело общеславянский смысл, обозначая земли трех княжеств, которые так и не слились в единое государство, ведя бесконечные битвы за свои приоритеты. Если к этому добавить еще и процесс их удельного дробления, то станет понятным, почему закончилась их самостоятельная история и они оказались втянутыми в исторические процессы своих более мощных соседей. Нельзя не учитывать и того факта, что эти княжества оказались как бы на политическом водоразделе, интерес к которому проявляли варяги (жившие здесь с древнейших времен), политики Литвы и Польши, с одной стороны,

и Московского княжества – с другой. Все это заставляет по-новому взглянуть как на истоки российской истории, так и на процесс зарождения славянско-белорусской народности, белорусского языка, культуры и государственности. При этом не очень огорчаясь по поводу того, что эта история переполнена военными конфликтами (что случилось, то случилось, исторические факты изменить невозможно, меняется лишь их интерпретация), наличие которых и определяло дипломатию того времени, которая также является частью этой истории.

В водовороте событий оказалась и Полоцкая земля. Обычно политическую историю Восточной Европы начинают с переселения славян. Но она имеет более древние корни. В Восточной Европе люди жили с древнейших времен (в Беларуси, например, найдены стоянки первобытных людей, которые жили здесь 100 тыс. лет тому назад) и развивались в общем русле мировой истории. Хотя народы этого региона отставали в своем развитии от цивилизаций древнего мира, тем не менее они непосредственно граничили с государствами этого мира и имели с ними деловые контакты. Греческие колонии располагались по всему северному побережью Черного моря и вели активную торговлю с местными племенами. Одно время греческие города полностью зависели от торговых поставок зерна из этих колоний.

(«Греки стали осваивать Северное Причерноморье в VII веке до н. э. Сначала это были торговцы из Ионии, приезжавшие за хлебом, рыбой, рабами, а также для сбыта греческой продукции. В это время появляются их первые временные торговые фактории, например на острове Березани (у устья Днепра). Затем с VI века начинается более широкий процесс колонизации, организуемый греческими полисами и связанный с постепенным оседанием греко-переселенцев в новых местах» (История древнего мира. М., 1956. С. 412).)

Можно предположить, что греки, стараясь расширить свои торговые операции, поднимались все выше и выше по Днепру (Борисфену), осваивая и описывая новые территории. Хорошо известна «История» Геродота (V в. до н. э.), в которой подробно описывается жизнь многих причерноморских племен, в том числе и скифов. Можно предположить, что греки весьма далеко продвигались по рекам причерноморского бассейна в глубь Восточной Европы еще в дохристианские времена. А с началом христианской эпохи греки уже хорошо знали путь из варяг в греки, о чем свидетельствует «Повесть временных лет», описывающая путешествие Андрея (брата апостола Павла), который якобы освятил место, где в будущем появился Киев. Затем на этих территориях, как волны, сменяли друг друга множество различных племен – скифов, сарматов, аланов, готов, гуннов.

Своя история складывается и в бассейнах рек, впадающих в восточную часть Балтийского моря. Здесь обитали многочисленные племена скандинавов, балтов, норманнов, викингов, варягов, латов, эстов и т. д., которые также осваивали глубинные регионы Восточной Европы и не могли не встретиться с греками. Их контакт и стал осуществляться с помощью водного пути из варяг в греки и обратно. Хотя появление этого пути относится к IX в., тем не менее можно предположить, что его история начинается гораздо раньше. Так как в древние времена люди селились в основном вдоль рек и других водоемов, то вполне допустимо, что этот путь (который имел разветвления и на запад и на восток в бассейн р. Волги, а по подробному писанию в «Повести временных лет» представлял собой своеобразную европейскую кругосветку) был не просто водной артерией, а наиболее плотно заселенной частью Восточной Европы еще до славянского переселения, где располагались многочисленные племена, находящиеся на стадии разложения родового строя. Поэтому ко времени переселения славян это была территория с достаточно развитой местной культурой балтского происхождения. Как отмечают современные белорусские историки, изучающие историю Полоцка, «с раннего железного века и до раннего средневековья городище принадлежало балтам, которые и дали название городу – Полоцк, от р. Полота. В середине VIII в. полоцкое городище заселяют носители археологической культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которую большинство историков отождествляют со славянами-кривичами. С этого времени начинается летоисчисление “града” Полоцка, который в X–XI вв. постепенно преобразовался в центр земли-волости – Полоцкого княжества – со своей княжеской родословной и епископской кафедрой (992 г.)»¹. В другом издании также отмечается, что «летописные кривичи занимали значительную территорию Восточной Европы в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, на юге Чудского озера. Их появление было результатом ассимиляции пришельцами-славянами местных балтских и западнофинских племен»².

О балтском происхождении города свидетельствует и тот факт, что его первыми князьями были представители варяжского племени. Как утверждает Д. Дук, «имя первого полоцкого князя неизвестно, но он был варягом (скандинавом) по происхождению, как и сам Рюрик»³. Интересно и то, что спустя сто лет (т. е. уже в тот период, когда славяне расселились на полоцкой земле) Полоцком правили варяги. «Рогволод, – пишет Дук, – стал первым полоцким князем, чье имя запечатлел летописец. Известно, что он пришел “из-за моря”, имел дочку Рогнеду. Рогволод княжил около 980 г., т. е. больше чем на столетие поздней княжения первых правителей, имена которых... нам неизвестны»⁴.

Зато хорошо известно, что все полоцкие князья как в далеком прошлом, так и в более поздние времена были варягами. Полоцкая земля, таким образом, оказалась тем регионом, в котором происходили сложные процессы смешения различных культур и форм хозяйственной деятельности (сельскохозяйственной и ремесленно-торговой), который получил свое дальнейшее развитие с установлением торговых связей между греками и варягами (скорее всего, еще до славянского переселения). Сама эта деятельность требовала более четкой организации и соответствующего управления, которое предполагает концентрацию власти, создание особых управленческих структур. Князья с подчиненными им воинами (дружиной) и представляли собой такую форму власти. Можно предположить, что такая форма власти впервые стала утверждаться именно в Полоцке, ставшем опорным пунктом и перевалочной базой на западной ветви пути из варяг в греки.

Фактом, указывающим на более древнюю историю Полоцка по сравнению с Новгородом и Киевом, являются следующие сведения, зафиксированные в летописи: «Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом»⁵. Получается, что Полоцк уже существовал, когда там появились славяне, а Новгород возник только с появлением славян в этом регионе.

Интересен еще и тот факт, что полочане (представлявшие собой пеструю смесь славянских переселенцев и местных балтских племен) явились родоначальниками таких ветвей славянства, как кривичи и северяне. Вот что говорится по этому поводу в «Повести временных лет»: «И по смерти братьев этих (речь идет о братьях, основавших г. Киев. – А. Е.) потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне»⁶.

Здесь же указывается и такая особенность славян этого региона – все они имели один язык: «Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, – эти говорят на своих языках»⁷.

Данная цитата имеет весьма глубокий историко-этнический и политический смысл. Во-первых, в ней указывается на то, что все славяне, переселившиеся в восточную часть Европы, говорили на одном родственном языке, они говорили «по-славянски». Причем регион расселения славян (как особого этноса) был весьма обширный. Он занимал территорию от Новгорода, Смоленска и Полоцка на севере до Киева и Буга на юге.

Во-вторых, появляется термин, который стал названием всей территории восточных славян, – «Русь». В этом названии одновременно сливаются два смысла. Один – территориально-географический (обозначающий земли славян), второй – политический, обозначающий власть варягов, которые постепенно расширяли пределы своего правления, собирая дань с подвластных племен. Этническое родство правящей элиты (их варяжско-русское происхождение) как бы узаконивало их право на верховную власть в славянских землях, местное население почему-то этому не сопротивлялось.

Термин «Русская земля» постепенно действительно стал общим обозначением всех славянских земель, которые, однако, так и не слились в единое государство, а представляли собой самостоятельные княжества: Киевская Русь, Новгородская Русь, Полоцкая Русь, Смоленская Русь, а затем и Владимирская Русь, Московская Русь и т. д.

Эта раздробленность прослеживается уже с момента правления Рюрика, который, являясь единовластным правителем в Новгородской земле (после весьма загадочной смерти его младших братьев), стал раздавать города и земли славян своим родственникам, как бы распространяя понятие «Русь» на все земли, где властвовали варяги. Таким образом, это понятие действительно приобрело двойное значение. Оно имело как географический смысл, который отчетливо проявляется в выражении «Русская земля», так и политический, обозначающий систему варяжско-княжеского управления, т. е. господство варягов на этой земле. Поэтому фразу «народы, дающие дань Руси» следует понимать как дающие дань варягам, т. е. правящей элите, а не славянам. Славяне также платили дань, как и все остальные народы, оказавшиеся под властью варягов. Характерно, что еще до появления Рюрика в Новгороде славяне и соседние племена платили дань варягам. Вот что говорится в «Повести...» на этот счет: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хозары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма»⁸.

(Здесь необходимо сделать одно пояснение. Дело в том, что термин «славяне» также имеет двойной смысл. Им в «Повести...» обозначаются как все славянские племена, переселившиеся в Восточную Европу, так и те, что поселились в Новгороде. В приведенной цитате речь идет именно о новгородцах. Получается, что они платили дань варягам еще до появления здесь Рюрика. Но тогда существенно меняется и картина его призвания на княжение в этом городе, ибо получается, что новгородцы еще до него были в подчинении у варягов. Правда, они могли пригнать одних, почему-то не понравившихся им варягов, и призвать других на освободившееся место князя, но это не меняет сути политической власти в Новгороде.)

Продолжая разговор о политическом характере выплаты дани и о политическом значении термина «Русь», можно отметить тот факт, что славяне продолжали выплачивать дань варягам и в то время, когда последние стали расширять территорию своего правления. Вот как об этом повествует летопись: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет матерью городам русским“. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозваньиесе русью. Тот Олег начал ставить города и установил дань славянам, и кривичам, и мери, положил и для варяг давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава»⁹.

В-третьих, указывается на то, что славяне жили вперемешку с другими племенами и народами (которые говорили «на своих языках»). И все они должны были платить дань княжеской фамилии, т. е. давать «дань Руси». Одним из проявлений этой дани было рекрутирование молодых парней в состав княжеских дружин, само же управление дружинами оставалось привилегией варягов.

В-четвертых, в подчиненном положении от варягов находились как славянские, так и многие неславянские племена, в том числе литовцы и ливонцы.

С возникновением Новгорода и призванием варягов на княжение в нем история восточных славян претерпевает странные метаморфозы, которые и зафиксированы в названной летописи. Территориальные топонимы (кривичи, поляне, древляне и т. д.) и этническое обозначение родственных (по языку) племен под общим названием «славяне» дополняются еще одним термином, имеющим определенную политическую окраску, – «Русь». Происходит своеобразная русификация славян: славянский язык вдруг превращается в русский, древнеславянская литература – в литературу древнерусскую, славянские земли переименовываются в земли русские, а славянский Киев превращается в Киевскую Русь. Это преобразование до сих пор остается загадкой, которую не могут разгадать историки. Фиксируя, например, появление русской литературы, Д. С. Лихачев отмечает: «Появление русской литературы в конце X – начале XI века – „дивлению подобно“. Перед нами как бы сразу произведение литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании»¹⁰.

Этот известный исследователь российской словесности объясняет данное явление глубокой связью (языковой и культурной) между Русью и Болгарией (на эту связь указывает и летопись). Но эта связь, действительно имевшая место в общем развитии славянства, ничего не говорит о том, почему же восточные славяне в одночасье вдруг стали русскими (в то время как западные славяне сохраняли свои традиционные названия), почему новая культура стала называться «древней», хотя и появилась на сто лет позже болгарской и существовала не в древнем мире, а в средние века. Одним словом, здесь не одна, а целый клубок терминологических загадок. Одной из таких загадок и является вопрос о том,

существовало ли реально Древнерусское государство или это плод воображения более поздних историков, которые попытались идеализировать истоки российской истории. По крайней мере, на основе текста «Повести...» невозможно сделать вывод о существовании такого государства. Речь скорее идет о каких-то первичных формах его зарождения, которые так и не были реализованы в связи с процессами феодального раздробления, а затем с утверждением господства новых правящих элит, т. е. переходом власти в славянских землях от варягов к литовцам, к полякам и к московским князьям (и царям).

Кроме того, с появлением варягов в Новгороде история восточных славян как бы разделяется на два направления. С одной стороны, выступает этнотерриториальная и общекультурная история славян этой ветви (процессы их миграции и расселения в Восточной Европе, их хозяйственной деятельности). С другой стороны, выделяется политическая история этих территорий, оказавшихся под сильным воздействием балтийских племен, а затем и княжеств (варягов, литовцев, поляков), с постепенным возрастанием политического интереса к этим территориям со стороны московских князей, а затем и царей.

Политика и границы политических образований в Восточной Европе постоянно менялись, а народы (местное население) продолжали существовать на своих территориях, занимаясь не менее важной, чем политика, хозяйственной деятельностью (сельским хозяйством, ремеслами, торговлей), обеспечивая всем необходимым князей, их двор и дружины, сохраняя особенности своего языка и повседневной культуры. Тем самым хозяйственно-бытовая жизнь и политика как бы расслаивались и осуществлялись представителями разных племен. Элитно-политическую часть общества составляли варяги (а затем литовцы и поляки), а хозяйственную – славяне и представители других местных племен. Это расслоение имело место как внутри города (между его жителями и княжеской дружиной), так и между городом и сельскими поселениями. Так как городское население не могло полностью удовлетворить материальные запросы княжеского окружения, то приходилось собирать дань с окрестных сел. Сам способ такого сбора носил силовой характер, т. е. собиралась дружина (как правило, по осени) и объезжала соседние села, изымая излишки сельскохозяйственной продукции. Такой способ сбора дани хорошо описан в «Повести...» на примере действий киевского князя Игоря (которого из-за его жадности и убили местные селяне). Этот пример хорошо иллюстрирует и понятие границ княжества. Территориально они никогда не были строго обозначены и определялись лишь тем, до какого пункта могла добраться княжеская дружина. Эти земли и считались княжеским владением (поэтому современные исторические карты обозначают границы Киевского княжества весьма условно, как весьма условным является и само название «Киевская держава»).

До тех пор пока княжеские владения отделялись друг от друга большими пространствами свободных земель, территориальных споров между князьями (потомками Рюрика) не было. Но постепенно увеличивалось количество населения княжеств, появлялись новые города, увеличивалось количество уделов, сел, какой-то княжеский стол становился более престижным (более развитым, богатым), что приводило к обострению политических интересов, носителями которых было княжеское окружение.

В водовороте этих событий и оказалась Полоцкая земля, князья которой, находясь в родственных связях с рюриковичами, то сближались со своими соседями в Новгороде и Киеве, то вступали в яростные схватки с ними. Никакие родственные связи не гарантировали подлинного политического единства. Наоборот, политические интересы разводили по разные стороны даже самых близких родственников. Споры решались главным образом с помощью оружия и военных действий. Начиная с самого Рюрика и кончая последним киевским князем Мстиславом Владимировичем (1125–1132), история этих княжеств – это история бесконечных войн и переделов, расширения зон сбора дани, борьба за тот или иной княжеский престол. Наряду с военными действиями политическая жизнь княжеств определялась династическими браками, дипломатическими союзами и процессами христианизации славян.

Особое значение с точки зрения политической ситуации имел процесс появления уделов и удельных княжеств. Клан Рюриковичей разрастался, требуя обеспечения новых членов рода соответствующими земельными наделами. Этот процесс закончился тем, что на территории трех великих княжеств появилось множество

мелких удельных образований, претендующих на самостоятельный политический статус, но ставших легкой добычей внешних завоевателей.

В этих преобразованиях Полоцкому княжеству принадлежала отнюдь не последняя роль. Его правители на равных (с Киевом и Новгородом) участвовали в организации политической жизни этого европейского региона, что и нашло свое отражение в летописных памятниках славянской культуры. Такие летописи (разные редакции «Повести...») писались священнослужителями с явно идеологической установкой на возвеличивание новой для России религии (христианства) и княжеской власти (описание их военных походов и впечатляющих побед). Они создавались во всех трех основных центрах славянского расселения, но до нас дошли только киевские и новгородские, что касается летописей Полоцкого княжества, то они оказались утерянными. Поэтому политическую историю этого княжества приходится восстанавливать по имеющимся источникам.

Политическая история Полоцка (как в равной мере и Киева) начинается с момента появления в Новгороде варяжского князя – Рюрика (сами новгородцы в «Повести...» почему-то постоянно выступают просителями княжеской власти: и Рюрик, и Владимир оказываются такими «приглашенными» князьями). Но, так или иначе, политическая история Полоцка (а затем и Киева) начинается с правления Рюрика в Новгороде.

После загадочной смерти младших братьев Рюрика он стал единоличным правителем Новгородской земли, раздавая города своим родственникам. А род его был, видимо, достаточно большим. В «Повести...» говорится: «И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома. Теми всеми правил Рюрик»¹¹.

Но властные претензии Рюрика этим не ограничивались. Его интересы простирались до самой столицы Византии – Царьграда (Константинополя), куда он и отправил военную экспедицию во главе с Аскольдом и Диром. Но те дошли только до Киева, посчитав, видимо, что и этой добычи для них хватит. Киевляне в это время платили дань хазарам. «Аскольд и Дир, – отмечается в летописи, – остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян»¹². Владение, как уже говорилось, сводилось к обязанности платить дань. Следует признать, что варяги в это время (вторая половина IX в.) были одним из самых воинственных племен в Европе, поэтому их территориальные претензии выходили далеко за пределы славянских земель. Об этом говорит тот факт, что Аскольд и Дир, передохнув в Киеве и укрепив свою дружину новыми воинами, все же двинулись на греков. Но поход этот оказался неудачным. Разыгралась буря и разметала корабли, как говорится в «Повести...», «язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой»¹³.

После смерти Рюрика (879 г.) княжеская власть в Новгороде перешла к его родственнику – Олегу (в связи с тем что Игорь – сын Рюрика – был еще малолетним ребенком). Этот правитель прославился своими боевыми походами и расширением территории властных полномочий варягов. При нем под власть варягов перешел Смоленск. Как отмечается в летописи о походе Олега, «и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей»¹⁴. А затем захватил Любеч и, наконец, сам Киев, который по территории и количеству жителей явно уступал Полоцку. Сами же полочане принимали самое активное участие в этих походах Олега, так как составляли основную часть его дружины.

В 907 г. Олег предпринял еще более грандиозный поход на Царьград, собрав воинов со всех подчиненных варягам территорий, в том числе и кривичей из Полоцка и Смоленска. Таким образом, кривичи (а исходя из территориальных соображений, именно они и являются предками белорусов) оказались втянутыми в сложный водоворот политических событий, инициаторами которых были новгородские варяги. В летописи отмечается: «Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скиф»¹⁵. Поход увенчался успехом: был заключен весьма выгодный мир с греческими царями, получена богатая

дань. Тем самым Олег укрепил свою власть в Киеве и расширил рамки Киевского княжества аж до Черного моря.

Что же касается простых жителей Полоцка, Смоленска и Новгорода, то, судя по всему, они жили по своим законам, не являясь в это время подданными Киева, сохраняя свой автономный статус.

Война с Византией (или, как говорится в летописи, с греками) становится доминантой военно-политической деятельности русских варягов. В походах на греков активно участвовала Ольга (одна из первых на Руси принявшая крещение в 955 г., причем крестили ее, как отмечается в летописи, сам царь греческий и патриарх) и ее сын Святослав, одолевший болгар и перенесший свою резиденцию из Киева в Переяславец. В летописи так повествуется об этом: «Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков»¹⁶. Выплата греками дани русским варягам не приводила к гибели греческого государства. Тем более что понятие выплаты дани отнюдь не всегда означало многолетней зависимости, а представляло собой лишь военные трофеи.

Что же касается русских земель, то власть там (в 970 г.) распространилась между сыновьями Святослава. Ярополку досталась Киевская земля, Олегу – земля древлян, а Владимир отправился в Новгород (опять же по просьбе новгородцев). Так что в это время вряд ли можно говорить о каком-то едином древнерусском государстве, это все еще были отдельные земли, управляемые самостоятельными князьями, взимавшими дань в свою пользу.

И кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба болгар (подвластных Византии), если бы в Болгарии остались варяги. Но на Киев напали печенеги и Святославу срочно пришлось возвращаться к своим родным очагам, спасая мать и своих детей. Святослава не очень привлекал Киев, и он все время рвался в полюбившийся ему Переяславец. Летопись отмечает: «Сказал Святослав матери своей и боярам своим: “Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, павлики, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы”»¹⁷. На эти слова мать ему ответила, что когда она умрет, он вправе будет поехать куда захочет.

Попутно можно заметить, что в тексте летописи говорится, что славянские земли были постоянным источником рабов для Византии.

Заветной же мечтой Святослава было завоевание столицы Византии. Однако набеги печенегов на Киев помешали сбыться его планам. Более того, в одном из таких набегов он был пленен и казнен. Как отмечается в летописи, «и напал на него Куря, князь печенежский и убил Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него»¹⁸.

Политическая жизнь активно развивалась. Она зависела не только от военных операций, но и от интриг княжеского двора. Свою роль в политических событиях варяжской правящей элиты сыграл один из старейших воевод Святослава Свинельд, к советам которого не прислушался князь и погиб. Свинельд вернулся в Киев и стал служить Ярополку. Но после того, как сын Свинельда был убит (по неосторожности или с умыслом – история об этом умалчивает) Олегом, братом Ярополка, воевода стал натравливать Ярополка на брата. Дело дошло до вооруженного столкновения, в результате которого Олег погиб (в 977 г.) «и наследовал его власть Ярополк»¹⁹. К Киевскому княжеству, таким образом, была присоединена земля древлян. Но Полоцк оставался самостоятельным.

Когда весть об убийстве Олега дошла до Владимира, княжившего в Новгороде, она настолько потрясла его, что он «испугался и бежал за море»²⁰. Скорее всего, к варягам. А Ярополк, воспользовавшись этим, захватил и новгородский княжеский стол. Как говорится в летописи, «посадил своих посадников в Новгороде и владет один Русскую землю»²¹. И на этот раз Полоцк остался самостоятельным княжеством.

Однако владение это продолжалось недолго (поэтому опять же невозможно говорить о существовании какого-то полноценного централизованного государства), ибо уже в 980 г. Владимир, собрав новую варяжскую дружину, вернулся в Новгород и объявил, что идет войной на Киев отомстить Ярополку за убийство брата, а на самом деле с явным намерением расширить свои владения. С этого момента Полоцк вновь втягивается в политические интриги варягов.

Дело в том, что дочь Полоцкого князя Рогнеда пожелала вступить в брак с киевским князем Ярополком. Это явно усиливало бы мощь Киева и помешало Владимиру осуществить свои планы. Поэтому он решил опередить события и направился в Полоцк. «И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены»²². Можно сказать, что таким кровавым способом был заключен династический брак. Но подобные браки (которые в это время были весьма популярной формой заключения политических союзов) не приводили к потере самостоятельности сторон, и Полоцк продолжал конкурировать на политической сцене с Киевом и Новгородом, вступая в те или иные союзные отношения.

Обеспечив себе тыл, укрепив свою дружину за счет полоцких воинов, Владимир двинулся дальше на Киев. Противостояние Новгорода и Киева закончилось тем, что Владимир убил своего брата, а его жену (гречанку) взял себе в наложницы. Затем он предпринимал новые походы против соседних славянских племен (радимичей и болгар). Установив мир с болгарами, вернулся в Киев и занялся чистой политикой. Объединение трех основных княжеств (Киевского, Полоцкого и Новгородского), казалось бы, было завершено. Но для полноценного оформления нового государственного объединения нужна была общая объединяющая идея, силовых методов удержания единства было явно недостаточно.

Идеологической основой политического единства была в то время только религия. Язычество, традиционное для славян, не могло служить объединяющей силой, так как подпитывалось в основном местными традициями. Нужна была такая вера, которая была бы общей для всех славянских племен.

Ко времени правления Владимира в Европе уже сложились и были хорошо известны три мировые религии – иудаизм, христианство и мусульманство (ислам). В летописи весьма подробно и красочно описывается, как Владимир подбирал для славян наиболее подходящую новую религию. Процесс этот занял два года. Владимир принимал представителей этих религий, которые рассказывали ему о преимуществах своей веры, отправлял своих послов в те страны, где эти религии уже утвердились (чтобы на месте узнать, как происходит служба), постоянно советовался со своими боярами и дружиной. Немалую роль, очевидно, сыграли и те обстоятельства, что бабка Владимира (Ольга) уже была крещеной и могла рассказывать о своем понимании бога и его жена Рогнеда явно тяготела к идеям христианства. Однако понадобился еще целый ряд событий (в том числе связанных с захватом Корсуни, требованием выдать за него сестру греческих царей Анну, с внезапным его ослеплением и прозрением), прежде чем он сам принял решение о собственном крещении, которое произошло в 988 г. в Корсуне.

Вернувшись в Киев, Владимир организовал массовое крещение киевлян в Днепре. Разумеется, от единичных актов крещения до массового принятия новой религии проходят многие годы. Мировоззрение в одночасье переделать невозможно. Но факт принятия христианства правящей элитой (которая все еще вела свою родословную от варяга Рюрика) имел большое политическое и культурное значение как для самого Киева, так и для всей Русской земли, в том числе и для Полоцкого княжества, куда постепенно начали проникать идеи новой религии и где стали формироваться ее адепты. В Полоцке создается своя епархия и строится великолепный Софийский собор (XI в.), не уступавший по своему значению Киевскому и Новгородскому. Тем не менее можно сказать, что Полоцкая земля никогда не была в полном подчинении у Киева. Вплоть до возникновения Великого Княжества Литовского Полоцк находился как бы в оппозиции Киеву и Новгороду, проводя достаточно самостоятельную политику. Об этом говорят следующие события.

После того как жена Владимира Рогнеда с сыном Изяславом была выдворена из Киева (после неудавшегося заговора против мужа) в Полоцкую землю, ее сын стал княжить в Полоцке, продолжая политику отца по внедрению в массовое сознание местного населения новой религии, т. е. занимался в основном вопросами культурно-просветительской деятельности. Его сын Бречислав Изяславович (1003–1044), унаследовавший княжеский стол Полоцка, в духе своих предков стал проводить политику на расширение территории своего княжества. Однако Полоцкое княжество оказалось зажатым между Киевским и Новгородским и расширять владения можно было только за счет соседей, что неминуемо приводило к столкновению интересов бывших родственников и как бы к разделению их полномочий. Бречислав

несколько расширил границы своего княжества за счет Новгорода. Даже сам Киевский князь Ярослав Мудрый вынужден был признать независимость Полоцкой земли.

Эту же политику продолжал и Всеслав Чародей (1044–1101). Вначале он вместе со своими воинами участвовал в боевых операциях киевлян против печенегов, что позволило ему набраться боевого опыта и создать боеспособную дружину. После этих походов он вернулся в Полоцк и продолжил расширять территорию своего княжества: отвоевал Псков (1065) и штурмом овладел Новгородом (1066). При этом в качестве трофеев не погнушался даже снять колокола с Софийского собора (в настоящее время в Полоцке установлен величественный памятник этому князю).

Разжиганию территориальных аппетитов Всеслава содействовало и то, что после смерти Ярослава Мудрого (1054) Киевское княжество (или Киевская Русь) уже в который раз оказалось разделенным на три части, в которых правили сыновья Ярослава (Изяслав в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславце). Их отношения никак нельзя было назвать дружескими. Киевское княжество в связи с этим разделом стало утрачивать свое лидирующее положение в славянских землях. Однако, почувствовав опасность со стороны Всеслава Чародея, братья объединились и двинулись в пределы Полоцкой земли. 3 марта 1067 г. произошла знаменитая битва на р. Немиге (под Минском), победителями в которой оказались Ярославичи. Всеслав был пленен, отвезен в Киев и посажен под арест.

Но положение Изяслава в Киеве не было прочным. Киев раздирали внутренние противоречия. Это привело к тому, что осенью 1068 г. в Киеве вспыхнуло восстание жителей. Изяслав бежал, а восставшие освободили Всеслава и просили его взять власть в городе. Так Полоцкий князь оказался еще и князем киевским, что, однако, нельзя рассматривать как соединение двух княжеств в одно. Тем более что власть Всеслава продолжалась недолго. Через год Изяслав при поддержке польского войска вернулся в Киев, и теперь уже Всеслав вынужден был срочно покинуть город. Вся последующая деятельность Всеслава Чародея прошла под знаком борьбы с наследниками Ярослава Мудрого. В результате этой борьбы Полоцкое княжество сумело отстоять свою самостоятельность. Но после смерти Всеслава Полоцкая земля оказалась втянутой в общий процесс феодального раздробления. На мелкие уделы распадаются все три великих княжества, т. е. политическая власть начинает дробиться, возникает множество местных конфликтов, разрушаются торговые связи, приходят в упадок традиционные ремесла, продукция которых обеспечивала рыночные отношения. О размерах Полоцкого княжества можно судить хотя бы по тому факту, что оно распалось на большое количество довольно крупных территорий, среди которых были такие княжества, как Борисовское, Браславское, Витебское, Минское, Заславское, Друцкое, Логойское, Оршанское и ряд других. Город Минск создавался в оборонительных целях и исполнял роль форпоста на южных границах Полоцкого княжества.

Ослабление этого региона в политико-военном отношении приводило к тому, что он становился предметом легкой добычи со стороны более активных в политическом отношении соседей. Одна властная элита уходила, а на место ее приходила другая иноземная властная элита (варягов сменили литовцы). Народ же оставался славянским, сохраняя свои национальные традиции, язык и культуру, на базе которых и сложились три современных славянских народа и три самостоятельных государства, каждое из которых может гордиться своей самобытной историей и уникальностью своей культуры. Почему эти родственные славянские народы (русские славяне) впоследствии стали называться русскими, белорусами и украинцами – это уже другая история, требующая особого изучения. Можно сказать лишь одно: именно Полоцкая земля (которая недавно отметила свое 1150-летие), ее этнополитические традиции стали той основой, благодаря которой сформировалась новая славянская общность – белорусский народ. В настоящее время, избавившись от доминирования иноземных политических элит, этот народ обрел все признаки развитой европейской нации и политической независимости в виде суверенного, многонационального и многоконфессионального государства, авторитет которого в современном мире постоянно возрастает и укрепляется.

¹ Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XII стст.). Наваполацк, 2010. С. 4.

² Беларусь: народ, государство, время. Минск, 2009. С. 34.

³ Дук Д. У. Полацк і палачане (XI–XIII стст.). Наваполацк, 2010. С. 4.

⁴ Там же. С. 4.⁵ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 25, 27.⁶ Там же. С. 29.⁷ Там же. С. 29.⁸ Там же. С. 35, 37.⁹ Там же. С. 39.¹⁰ Там же. С. 14.¹¹ Там же. С. 37.¹² Там же.¹³ Там же. С. 39.¹⁴ Там же.¹⁵ Там же. С. 45.¹⁶ Там же. С. 79.¹⁷ Там же. С. 81.¹⁸ Там же. С. 89.¹⁹ Там же.²⁰ Там же. С. 91.²¹ Там же.²² Там же.

Поступила в редакцию 27.07.12.

Ж. Т. ТОЩЕНКО,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН (МОСКВА)

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматривается проблема разработки теоретико-методологических принципов социологической науки с позиций изучения одного из базовых направлений – формирования представлений об объекте и предмете исследования. Анализируются теоретические поиски в современной российской (советской) социологии, которые в своем развитии отражают различные подходы, концепции, точки зрения на объект и предмет как важнейшие из компонентов социологической теории, образующих ее исходное звено.

The article deals with the problem of development of theoretical and methodological principles of a sociological science from the viewpoint of learning one of its basic directions – formation of the ideas of object and subject of study. Theoretical searches in modern Russian (Soviet) sociology reflecting in their development various approaches, concepts, view points on the object and subject as most important components of the sociological theory forming its initial link are given analysis to.

Составной и важнейшей частью развития социологии является разработка ее научных основ, поиск ответа на вопрос о базовых теоретико-методологических принципах, на которых базируется любая наука. На наш взгляд, этот процесс включает в себя несколько направлений поиска, среди которых особо можно выделить следующие: 1) выявление сущности и содержания социологии как социальной науки, что было актуально с первых лет ее появления на исторической арене; 2) формирование представлений об объекте и предмете социологии; 3) трактовка структуры и уровней социологического знания; 4) упорядочение представлений о категориях и понятиях социологии, что наиболее наглядно демонстрирует их уникальность, специфику и особенности среди других социальных наук; 5) определение методологических стратегий развития социологической науки, сопоставление их достоинств и преимуществ и их соответствие назревшим потребностям развития общества и самой науки.

В этой связи представляется неоправданным мнение некоторых коллег (А. Ф. Филиппов), которые отрицают существование теоретической социологии в России. Конечно, если исходить из упоминания самого понятия «теоретическая социология», то оно не так часто употреблялось (употребляется). Тем не менее поиском ответа на этот вопрос занимались многие социологи, хотя анализ тех или иных аспектов теории был достаточно фрагментарен. В этом поиске особо следует отметить работу, созданную под руководством Ю. Н. Давыдова¹, в которой в историческом аспекте анализировалось развитие теоретической мысли, в том числе